

УДК 81'42

ББК 81.0

ЭТНОГРАФИЯ РЕЧИ: КАТЕГОРИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ, МЕТОДОЛОГИЯ

КРАВЧЕНКО Н.К., ЧХЕТИАНИ Т.Д.

Киевский национальный лингвистический университет

В статье рассматриваются ключевые понятия, исследовательские приоритеты, результаты и методы этнографии речи как влиятельного социодискурсивного направления, интегрирующего микро- и макроподходы к изучению дискурса. Ряд категорий анализируется в их функциональной и структурной взаимообусловленности. Выявляется общее и различное в интерпретации одноименных категорий этнографией речи и другими направлениями современного дискурс-анализа.

Ключевые слова: этнография речи, дискурс, категории, результаты, методы.

The paper deals with the key notions, research focuses, results and methods of the ethnography of speaking as an influential socio-discursive approach integrating the micro and macro perspectives to the discourse analysis. A number of notions has been studied in their functional and structural interrelations. The similarities and differences in the interpretation of the same categories by the ethnography of speaking and other schools of discourse-analysis have been identified.

Key words: ethnography of speaking, discourse, categories, results, methods.

Современная лингвистика дискурса все еще находится в стадии своего формирования и осмысления базисных категорий, параметров, единиц и компонентов коммуникативных событий. Существует определенная несогласованность позиций исследователей относительно толкования “традиционных” понятий пресуппозиции, контекста, интеракции и др., что осложняет задачу как практического дискурс-анализа, так и унификации категориального аппарата теории дискурса. Альтернативная интерпретация дискурсивных феноменов определяется фокусом исследования, который всегда относителен и зависит от исследовательских ориентиров, целей и материала различных школ дискурс-анализа.

Так, проблема дискурсивной интеракции интерпретируется различными направлениями в зависимости от учета или отрицания связи интеракции с целостным речевым событием / ситуацией. Если интеракция рассматривается локально, на микроуровне, то при ее изучении и вычленении единиц дискурса не учитываются макродискурсивные факторы интерактивного взаимодействия. Примером такого подхода может служить конверсационный анализ [10], который фокусируется на потенциально универсальных, “базисных” (underlying) моделях и регулярностях речевого обмена – вне зависимости от специфики целостного речевого события. В то же время, этнография речи (далее – ЭР), интеракциональная социолингвистика, критический дискурс-анализ [1; 5; 7; 12; 13] и другие направления рассматривают тип ситуации или события как фактор “измерения” интеракции, воздействующий на конститутивные особенности дискурса. Не менее дискуссионным является толкование контекста, который понимается, по меньшей мере, в трех различных значениях: как объективные свойства социальных, политических или культурных ситуаций [5; 7], социальные переменные (такие как гендер, возраст, статус коммуникантов и т.п.), опосредующие связь между текстом и порождающе-рецептивной деятельностью коммуникантов; как субъективный конструкт участников дискурса, когнитивные проекции внешнего контекста в виде знаний / представлений коммуникантов о физических, социокультурных, психологических, коммуникативно-конвенциональных, этномаркированных и других характеристиках ситуации общения [12; 13]. Наконец, под контекстом понимается

динамический, разворачивающийся во времени процесс, который осуществляется посредством текущей перестройки структур разговора, порождает речевой ход и инициируется им (контекст как проект и продукт последовательных интеракций) [10].

Этнография речи (в настоящее время нередко используется эквивалентное название “этнография коммуникации”) выбрана нами для анализа не случайно. Это направление изучает локальные ситуации дискурсивной интеракции как часть глобальных социальных структур и, соответственно, интегрирует микро- и макроподходы к исследованию дискурса (представленные, в частности, такими разновекторными школами, как конверсационный анализ и критический дискурс-анализ).

Все вышесказанное определяет актуальность нашего исследования, которое представляет собой попытку унификации категорий ЭР, ключевых для современной теории дискурса и практики дискурс-анализа.

Цель статьи – систематизация и анализ ключевых понятий, результатов и методов этнографии речи как современного направления дискурсивных исследований.

Предусмотрено решение ряда задач:

- определение исследовательских приоритетов и основных задач этнографии речи;
- анализ основных категорий ЭР в аспекте их взаимосвязи;
- выявление общего и различного в интерпретации категорий ЭР другими направлениями современного дискурс-анализа;
- характеристика метода и обобщение наиболее важных результатов этнографии речи.

Этнография речи является направлением социолингвистических исследований, получившим свое развитие в США в 60-е годы XX века в трудах Д. Хаймса [3; 9]. Исследовательские приоритеты, на которых сегодня фокусируется ЭР, включают: 1) этнокультурные особенности речевых практик в конкретном обществе, социолингвистические ресурсы речевых общностей (языки, диалекты, стили, терминологические системы, социолингвистические переменные и др.); 2) использование этих ресурсов в дискурсе как средств социокommunikативного взаимодействия членов языкового коллектива; 3) системную организацию различных моделей употребления речи и их влияние на культуру и социальную организацию общества (социальную систему, экономику, политику, религию и т. п.). Обозначенные приоритеты определяют основные задачи ЭР:

1) выявление социального значения лингвистических структур посредством анализа речевого поведения представителей этнических сообществ и других языковых коллективов;

2) описание системных связей, конвенций и других правил коммуникации, характеризующих речевой коллектив как лингвокультурную общность, разделяющую знания о нормах речевого поведения и интерпретации речи;

3) сопоставление интеракций в кросс-культурном аспекте;

4) изучение моделей, связанных с ролевым и статусным позиционированием в интеракции, с коммуникативными правами и обязанностями как проявлениями социального устройства.

Отправным пунктом анализа в ЭР служит не языковой код, а речевой коллектив. Утверждается примат речи над языком, функции над структурой, контекста над сообщением – при обязательном учете взаимосвязей между этими категориями [3; 4; 6; 8; 9; 11]. Значение текста (*text-oriented approach to meaning*) представляет для этнографа речи меньший интерес, чем значение, создаваемое участниками общения в процессе интеракции (*participant-oriented approach to meaning*) – как “разделяемые” интерпретации, обеспечивающие когерентность разговора. Так, значение телевизионной программы (текста) определяется не количеством времени, проведенным семейством у телевизора (протяженностью текста), а моделью разговора семьи по поводу этой программы (т.е., с одной стороны, телевизор может быть включен, но игнорироваться; с другой стороны, программа может стать источником продолжительного разговора).

Ключевая цель ЭР – на основе долгосрочных и многочисленных эмпирических “полевых исследований” речевых ситуаций сформулировать гипотезу о том, *как думают* носители языка в своих ежедневных интеракциях или, другими словами, что должен знать говорящий при выборе модели сообщения / речи, чтобы быть членом определенной лингвокультурной общности.

Такой ракурс исследования объясняет обращение к категориям *знание, компетенция и интуиция*. С одной стороны, первостепенный интерес к этим понятиям представляется несколько парадоксальным – ввиду полевого эмпирического характера этнографических разведок. С другой стороны, эпистемологическая доминанта вполне объяснима, учитывая культурно-семиотическую составляющую концепции ЭР о взаимосвязях между лингвистическими средствами и социальным значением. Согласно основному постулату ЭР, модели языкового использования в интеракции “встроены” (embedded) в комплексные культурные процессы [3; 4]. Другими словами, коммуникация некоторой социальной группы рассматривается как подсистема ее социокультурных практик, которая, в свою очередь, воздействует на формирование самих практик. В отличие, например, от конверсационного анализа [10], ЭР рассматривает язык (речь, коммуникацию) не столько как нейтральное отражение социального порядка, сколько как социальный процесс и сущность культуры.

Анализ литературы позволил нам выделить такие основные категории ЭР, как речевое событие, компоненты (в другой терминологии – конститутивные факторы) речевого события, функции речи, знание, интуиция, контекст.

Особый вклад этнографии речи в современный дискурс-анализ заключается в обосновании дискурса в ситуативно-событийном аспекте с выделением компонентов речевого события в их структурной взаимообусловленности.

Д. Хаймс для идентификации типа речевого события предлагает использовать девять категорий, описывающих компоненты события: 1) адресант и адресат (позднее добавлена категория “аудитория”, так как присутствие третьих лиц может существенно влиять на спецификацию речевого события); 2) предмет речи; 3) окружение (обстоятельства) – место, время, другие значимые параметры; 4) канал общения – способ осуществления коммуникации; 5) код – язык, диалект и др.; 6) форма сообщения – речевой жанр; 7) речевая ситуация – коммуникативный контекст речевого события, обуславливающий жанры его осуществления; 8) ключ – оценка эффективности речевого события; 9) цель – категория, отражающая намерения участников речевой ситуации [3; 9].

Более подробная модель категоризации речевого события включает шестнадцать компонентов: *ситуация* (settings), место действия; *участники* (отправитель, говорящий, слушающий, адресат, адресант, получатель, аудитория); *средства*: каналы, формы речи, код; стиль; *результаты* (цели, задачи, результаты, нормы); *нормы интеракции, нормы интерпретации; последовательность актов* (форма и содержание сообщения); *ключи* (тональность, эмоциональный фон); *жанры*. Примеры речевых событий – переговоры, дружеская беседа, урок, телефонный разговор, проповедь, судебное заседание и др.

Компоненты или конститутивные факторы (constituent factors) речевого события отличаются количеством и содержанием в различных лингвокультурных сообществах – например, в зависимости от ролевой системы определенной группы, в рамках которой могут не совпадать Отправитель и Адресант или Получатель и Адресат. В языках восточнотюркской группы слова вождя или устроителя торжественной церемонии повторяет для собравшихся специально выделенный служитель. Межкультурные различия в Каналах связи проявляются не только в наличии или отсутствии письменности, но и в разработке инструментальных каналов: напр., тонового свиста у некоторых групп масатеков в Мексике. Социокультурное измерение является определяющим и для фактора Кода, который варьируется в использовании арго, жаргонов, форм речевой маскировки, диалектов, вариантов языка, vernacular. Фактор Темы

связан с лексическим наполнением различных языков, на которых говорит данная группа, включая идиомы и принятые в определенном речевом сообществе речевые стандарты. Фактор Обстановки предусматривает изучение “контекста ситуации”, включая предшествующие события, речевые или неречевые, этнографические критерии ситуации, возможные типы ситуаций и поведения в них и т. п. [3; 9].

Частью коммуникативной компетенции любого речевого сообщества или группы служит знание о том, что компоненты коммуникативной ситуации образуют определенное структурное единство, и изменение одного из них повлечет за собой преобразование всей структуры. “Мы знаем типы речи, лежащие в основе данного текста или сообщения, и в какой-то мере способны ответить на вопрос, что изменилось бы, если бы Отправитель был другим, если бы другими были его мотивы и т. д.” [9, с. 9–14].

Понимание речевой ситуации (события) в работах Д. Хаймса стало основополагающим для современного определения и анализа дискурса в событийно-ситуативном аспекте – с учетом социокультурных, психологических и других условий и обстоятельств коммуникативной ситуации. В частности, Тойн ван Дейк определяет дискурс как комплексное коммуникативное событие, происходящее между говорящим и слушающим в определенном пространственно-временном контексте. Вербальной составляющей этого коммуникативного действия, его завершенным или продолжающимся “продуктом” служит текст или разговор. Е.А. Селиванова рассматривает дискурс как коммуникативное событие, ситуацию, которая интегрирует текст с другими ее составляющими, в частности, экстралингвистическими социальными и референциональными факторами (обстоятельствами, временем, пространством коммуникации), когнитивными и психологическими контекстами, опосредующими взаимодействие участников общения, их мотивы, цели и коммуникативные стратегии [2, с. 120].

Исследователи практически единодушны в том, что речевое событие служит единицей макроуровня дискурса, макроструктурным компонентом речевого общения, иерархически включающим в себя такие единицы интеракции, как транзакция (единица дискурс-анализа, превышающая по объему сложные обмены), обмен, речевой ход и речевой акт. В разговорном анализе понятие речевого события коррелирует с терминами “разговор” и “интеракция”, в лингвопрагматике – с категориями “макродialog” или “макротекст”.

Компоненты речевой ситуации рассматриваются ЭР как корреляты функций речи (в иной терминологии – функций актов речи). Опираясь на работы Романа Якобсона, Д. Хаймс выделяет семь функций: 1) экспрессивную (эмотивную); 2) директивную (конативную, прагматическую, риторическую, побудительную); 3) поэтическую; 4) контактную; 5) метаязыковую; 6) референционную; 7) контекстуальную (ситуационную).

Функции реализуются на уровне высказывания, в котором сопричастствует несколько функций с преобладанием одной из них. Так, экспрессивная функция (сигнализируемая, в частности, интонацией) может господствовать над референционной. В этой связи, Д. Хаймс приводит пример ситуации, когда несовершеннолетняя дочь оправдывает свою предыдущую реплику ссылкой на ее референционную функцию (“Но ведь я всего-навсего сказала...”) в то время, как причиной недовольства окружающих, скорее всего, была интонация ее речи, воспринятая как оскорбительная.

Условно каждому типу функций соответствует определенный компонент речевой ситуации. Так, референционная функция коррелирует с темой, метаязыковая – с кодом, контекстуальная соотносится с обстановкой, контактная – с каналом связи и др. Однако в реальной ситуации отношения между факторами и функциями не являются столь однозначными. Напр., Получатель, если он не знает известных Отправителю условностей или кода, связанных с определенными ситуациями, может распознать только референционный смысл сообщения, но не его экспрессивное или директивное содержание. Если в процессе непринужденного

разговора о детях одна из женщин вдруг потребует от других точной информации, то это будет означать неспособность этой собеседницы распознать речевую ситуацию, в которой преобладают не референционная, а экспрессивная или фатическая функции и, соответственно, недопустимо запрашивание фактов [9].

Одной из ключевых для этнографических исследований служит категория “знание”, которая определяется посредством понятий “соучастие”, “обычная коммуникация” и “наблюдение”. В отличие от других направлений дискурс-анализа, ЭР отличается особой эпистемологической установкой. По мнению этнографов речи, этнография – это эпистемология, которая постоянно перемещается от локально специфического к общему и от уже приобретенного знания – к новому [3; 4; 6; 8; 9; 11].

В эпистемологическом ракурсе определяются и другие категории ЭР, которые вследствие такой интерпретации приобретают когнитивное и социо-семиотическое (миромоделирующее) значение. В частности, этнографическая “интуиция” определяется в терминах знания об определенных вариантах поведения, объектах и институтах для выбора участниками адекватных моделей речевого поведения. Контекст также рассматривается как эпистемологическая категория, поскольку, по мнению этнографов речи, невозможно отделить речевые данные от “истории”, благодаря которой они были получены.

В таком смысле понимание контекста в ЭР коррелирует с осознанием этой категории в критическом дискурс-анализе – в частности, в формате социолингвистического дискурс-анализа Рут Водак [13], обосновывающего речевые данные ментальными моделями и коллективными установками участников, хранящимися в коллективной памяти (когнитивный подход) и имеющими исторические корни (исторический подход).

Рассмотренные категории обосновывают специфику метода ЭР, который характеризуется двумя противоположными методологическими установками – дистанцированным наблюдением и вовлеченным участием. С одной стороны, этнографы речи стараются дистанцироваться от собственных непосредственных культурно-предубежденных реакций, с другой стороны – достичь достаточной идентификации или эмпатии с членами группы для того, чтобы обеспечить “взгляд изнутри”.

Этнография речи включает совокупность методов и методик, позволяющих исследователю связать лингвистические формы с социальными практиками [6], выявить социально-типичное через детальное описание единичного. Прежде всего, это интерактивно-адаптивный метод исследования [3; 9], который предполагает систематичность, тематическую ориентированность (topic-driven), приоритет компаративного и контрастивного анализа, экспертизу речи на основе аккумулированного опыта “полевых” исследований, формирование по результатам экспертизы гипотез и теоретических обобщений в эпистемологическом ракурсе.

В заключение хотелось бы сфокусироваться на основных результатах этнографии речи:

а) системность речи в пределах групп и языковых сообществ; зависимость речевого поведения от установленных моделей (patterns) речевой деятельности, владение которыми определяет коммуникативную компетенцию членов группы (общее с интеракциональной социолингвистикой);

б) социокультурно обусловленные различия между речевыми сообществами в выборе речевых ситуаций, статусных и коммуникативных ролей участников;

в) понятие языковой способности (ability); дескриптивное описание неодинаковых способностей. Так, некоторые говорящие не в состоянии усвоить правильной интонации для шутки (пример Д. Хаймса);

г) выделение компонентов речевого события. Каждый из компонентов – своего рода знак правила и структурной связи и его изменение влечет за собой переструктурирование всего речевого события. Знание об этом – часть коммуникативной компетенции речевого коллектива;

д) функциональная обусловленность компонентов речевого события: функция требует определенной взаимосвязи между выбором темы, кода и формы сообщения.

Перспективой дальнейших исследований представляется анализ категорий этнографии речи в этнопрагматическом и кросс-прагматическом ракурсах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко Н.К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Наталья Кимовна Кравченко // Научно-практическое пособие. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.
2. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / Олена Олександрівна Селіванова. – Полтава : Довкілля-К., 2006. – 716 с.
3. Хаймс Д. Этнография речи / Делл Хаймс // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1975. – Вып. 7. – С. 42–96.
4. Blommaert J. On scope and depth in linguistic ethnography / J. Blommaert // Journal of Sociolinguistics. – 2007. – V. 11. – № 5. – P. 682–688.
5. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. Chilton. – London & New York : Routledge, 2004. – 226 p.
6. Duranti A. Ethnography of speaking: toward a linguistics of the praxis / Allesandro Duranti // In Frederick J. Newmeyer (eds) // Language: The Socio-Cultural Context. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – P. 210–228.
7. Fairclough N. Textual analysis for social research / N. Fairclough. – New York : Routledge, 2003. – 270 p.
8. Hammersley M. Reflections on linguistic ethnography / M. Hammersley // Journal of Sociolinguistics. – 2007. – V.11. – № 5. – P. 689–695.
9. Hymes D. Anthropological linguistics: a retrospective / Dell. Hymes // Anthropological Linguistics. – 1993. – V. 35. – P. 9–14.
10. Schegloff E.A. Discourse, Pragmatics, Conversation, Analysis / Emanuel A. Schegloff // Discourse Studies. – 1999. – V.1 – № 4. – P. 405–435.
11. Tusting K. & Maybin J. Linguistic ethnography and interdisciplinarity: Opening the discussion / K. Tusting & J. Maybin // Journal of Sociolinguistics. – 2007. – V. 11. – № 5. – P. 575–583.
12. Van Dijk T. A. Discourse and Context: A Socio-Cognitive Approach / T. A. Van Dijk. – Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2008. – 282 p.
13. Wodak R. The discourse-historical approach / R.Wodak // ed. by Ruth Wodak and Michael Meyer. – London, GBR : Sage Publications Incorporated, 2001. – 200 p.

Дата надходження до редакції 04.05.2017